

Джозеф Конрад

Дуэль

Перевод с английского
Марии Богословской

ФТМ

Джозеф Конрад

Дуэль

«ФТМ»

1908

Конрад Д.

Дуэль / Д. Конрад — «ФТМ», 1908

Действие повести английского писателя Джозефа Конрада происходит в эпоху Наполеоновских войн.

© Конрад Д., 1908

© ФТМ, 1908

Содержание

Глава I	5
Глава II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Конрад Джозеф Дуэль

Глава I

Наполеон Первый, чья карьера очень похожа на поединок, в котором он выступал один против целой Европы, терпеть не мог дуэлей между офицерами своей армии. Воинственный император отнюдь не был головорезом и мало питал уважения к традициям.

Однако история одной дуэли, ставшей легендой армии, входит в эпос собственных его величества войн. Вызывая восхищенное изумление своих товарищей, два офицера, уподобившись безумным живописцам, пытающимся позолотить чистейшее золото или расписать красками живую лилию, упорно вели свой поединок на протяжении всех этих долгих лет всемирной бойни. Оба они были кавалеристы, и эта связь их с пылким, своенравным животным, которое несет человека в битву, кажется нам здесь чрезвычайно уместной. Трудно было бы представить себе героями этой повести пехотных офицеров, чье воображение укрощено долгими пешими переходами, а доблести в силу этого отличаются несколько более тяжеловесным характером. Что же касается артиллеристов или саперов, головы которых постоянно охлаждаются сухой математической диетой, то для них это уже совершенно невыносимо.

Звали этих офицеров Ферио и д'Юбер. Оба они были лейтенанты, гусары; но служили в разных полках.

Ферио нес строевую службу, а лейтенанту д'Юберу посчастливилось оказаться лично при особе дивизионного генерала в качестве офицера для поручений. Дело было в Страсбурге, и в этом оживленном крупном гарнизоне они, как и все, спешили насладиться кратким промежутком мира. Они наслаждались им, будучи настроены оба весьма воинственно, ибо это был такой мир, когда точат шпаги и чистят ружья, желанный для сердца воина и не роняющий военного престижа, тем более что ни одна душа не верила ни в искренность этого мира, ни в его продолжительность.

Вот при таких-то исторических обстоятельствах, столь благоприятных для должной оценки того, что называется военным досугом, в один прекрасный день после полудня лейтенант д'Юбер шествовал по тихой улочке мирного предместья, направляясь к лейтенанту Ферио, который квартировал в домике, выходившем в сад и принадлежавшем некой престарелой девице.

На его стук дверь немедленно открыли, и из нее выглянула молоденькая девушка в эльзасском костюме. Ее свежий вид и длинные ресницы, стыдливо опустившиеся перед статным офицером, заставили лейтенанта д'Юбера, человека в высшей степени восприимчивого к впечатлениям эстетического порядка, смягчить холодную, строгую суровость, которая была написана на его лице. Он тут же заметил, что на руке у нее висела пара синих гусарских с красным кантом рейтуз.

– Дома лейтенант Ферио? – вежливо осведомился он.

– Ах нет, сударь, он ушел утром в шесть часов. Хорошенькая девушка попыталась было закрыть дверь, но лейтенант д'Юбер с мягкой настойчивостью, воспрепятствовал этому и вступил в переднюю, позванивая шпорами.

– Полно, душечка. Не станете же вы рассказывать мне, что он так и пропал с шести часов утра!

И с этими словами лейтенант д'Юбер без всяких церемоний отворил дверь в комнату, прибранную так чистенько и уютно, что только неоспоримые улики в виде сапог, мундира и прочих военных принадлежностей позволили ему убедиться, что это была действительно

комната лейтенанта Феро. И тут же он убедился, что лейтенанта Феро нет дома... Правдивая девушка вошла вслед за ним и подняла на него свои ясные глазки.

– Гм!.. – произнес лейтенант д'Юбер, весьма разочарованный, ибо он уже побывал всюду, где может обретаться гусарский лейтенант в погожий день после полудня. – Так, значит, его так-таки и нет. А не знаете ли вы, милочка моя, для чего это ему понадобилось уйти в такую рань?

– Нет, – ответила девушка, не задумываясь. – Он вчера вернулся поздно, лег и сразу захрапел. Я встала в пять часов и слышала, как он храпел. А потом он надел свой самый старый мундир и ушел. Наверно, на службу.

– На службу?! Вот то-то и дело, что нет! – воскликнул лейтенант д'Юбер. – Знайте, мой ангелочек: он ушел спозаранку драться на дуэли с одним штатским.

Она выслушала эту новость, даже не моргнув черными ресницами. Очевидно было, что поступки лейтенанта Феро здесь обсуждению не подлежат. Она только глядела в немом изумлении. А лейтенант д'Юбер по этому невозмутимому спокойствию заключил, что она в течение дня, конечно, видела лейтенанта Феро. Он оглядел комнату.

– Да ну же! – настаивал он с вкрадчивой фамильярностью. – Он, может быть, где-нибудь здесь, дома? Она отрицательно покачала головой.

– Тем хуже для него, – продолжал лейтенант д'Юбер тоном тревожного убеждения. – Но он был дома после того, как уходил утром?

На этот раз хорошенькая девушка чуть заметно кивнула.

– Так был, – воскликнул д'Юбер, – и опять ушел! Зачем? Да что ему дома не сидится? Эка, полоумный! Послушайте, крошка...

Природное добросердечие д'Юбера и сильное чувство товарищества помогли его наблюдательности. Переменив тон, он заговорил с самой подкупающей ласковостью. И, поглядывая на гусарские рейтузы, висевшие у девушки на руке, он взывал к ее участию и заботам о благополучии и спокойствии лейтенанта Феро. Он говорил настойчиво и убедительно, пуская при этом в ход с превосходным результатом для дела свои красивые, ласковые глаза. Его страстное желание как можно скорее разыскать лейтенанта Феро для его же собственного блага казалось таким искренним, что наконец оно преодолело ее нежелание разговаривать. К сожалению, она не много могла рассказать. Лейтенант Феро вернулся домой примерно около десяти часов. Прошел прямо к себе, повалился на кровать и заснул. Она слышала, как он храпел, – еще громче, чем ночью. И так продолжалось далеко за полдень. Потом он встал, надел свой самый лучший мундир и ушел. И это все, что она знает.

Она подняла на него свои глазки и лейтенант д'Юбер уставился в них весьма недоверчиво.

– Просто невероятно! Пошел шататься по городу, нарядившись в парадный мундир! Да знаете ли вы, крошечка моя, что он сегодня утром проткнул этого штатского насквозь? Подцепил, как зайца на вертел!

Хорошенькая девушка выслушала это ужасное известие без малейшего огорчения, только задумчиво поджала губки.

– Вовсе он не шатается по городу! – произнесла она.

– А семья этого штатского, – продолжал лейтенант д'Юбер, выкладывая все то, что у него было на уме, – подняла невероятный скандал. Генерал очень рассержен. Семья эта – одна из самых видных в городе. И Феро следовало бы уж по крайней мере хоть дома сидеть.

– А что ему сделает генерал? – вдруг обеспокоилась девушка.

– Ну конечно, он ему голову с плеч не снимет, – проворчал д'Юбер, – но все-таки поведение Феро... просто неприлично. Он себе наделает пропасть неприятностей своим бахвальством.

– Да он вовсе не шатается по городу, – застенчиво повторила девушка.

– Ах да, верно! В самом деле, ведь я его нигде не встретил! Н-да... Но куда же он, черт побери, девался?

– Он пошел с визитом... – выговорила девушка, помолчав.

Лейтенант д'Юбер чуть не подскочил:

– С визитом? Что? Вы хотите сказать – с визитом к даме? Вот наглость! А вы откуда это знаете, милочка моя?

Не скрывая своего женского презрения к мужскому тупоумию, хорошенькая девушка напомнила, что лейтенант Феро надел свой самый лучший мундир. И также свой самый новый доломан', добавила она таким тоном, который ясно показывал, что этот разговор действует ей на нервы, и круто отвернулась. (' Доломан – гусарская накидка с меховой опушкой.)

Лейтенант д'Юбер, нимало не сомневаясь в разумности ее умозаключений, не видел, каким образом это, может помочь ему в его официальных розысках. Ибо его поиски лейтенанта Феро имели вполне официальный характер. Он не знал ни одной женщины, к которой этот молодчик, заколов сегодня утром человека, мог бы отправиться с визитом среди дня. Молодые люди были едва знакомы. Он в раздумье покусывал палец своей перчатки.

– С визитом! – вырвалось у него. – С визитом к самому дьяволу!

Девушка, которая в это время, повернувшись к нему спиной, складывала на стуле рейтузы, возразила с несколько уязвленным смешком:

– Ах, вовсе нет! К мадам де Льонн.

Лейтенант д'Юбер тихонько свистнул. Мадам де Льонн была супругой крупного сановника; ее салон пользовался известностью, как и претензии мадам на тонкие чувства и изысканность. Супруг был человек штатский и старик, но общество, посещающее салон, состояло из людей молодых и военных. Лейтенант д'Юбер свистнул не потому, что перспектива идти в этот салон искать лейтенанта Феро была ему неприятна, а потому, что он только недавно приехал в Страсбург и еще не имел чести быть представленным мадам де Льонн. А что он там делает, этот головорез Феро? Он кажется, не производит впечатления человека, который...

– Вы в этом уверены? – спросил лейтенант д'Юбер.

Девушка была вполне уверена. Не оборачиваясь и не глядя на него, она объяснила ему, что соседский кучер знает метрдотеля госпожи де Льонн. А отсюда и она все знает. Совершенно точно, она в этом уверена. И, выражая эту уверенность, она вздохнула.

– Лейтенант Феро ходит туда почти каждый день, – добавила она.

– А-а, вот как! – иронически воскликнул д'Юбер. Его мнение о госпоже де Льонн сразу упало на несколько градусов. Лейтенант Феро, по его соображениям, отнюдь не заслуживал внимания со стороны женщины, пользующейся репутацией чуткой и изысканной. Но что там говорить! В сущности, все они одинаково расчетливы, практичны и отнюдь не идеалистки. Впрочем, лейтенант д'Юбер не соизволил задерживаться на размышлениях подобного рода.

– Черт возьми, – продолжал он вслух, – генерал-то там тоже бывает! Если он застанет этого молодца у госпожи де Льонн, тут такое заварится! Генерал наш не очень покладистого нрава, уж в этом-то я смею вас заверить.

– Тогда идите же скорей! Не стойте здесь, раз я вам уже сказала, где он! – вдруг воскликнула девушка.

– Благодарю вас, милочка. Просто я не знаю, что бы я без вас стал делать!

И, изъявив свою благодарность с весьма настойчивой галантностью, лейтенант д'Юбер удалился.

Он шел по улице воинственно и браво, позвякивая шпорами. Стащить с заоблачных высот на землю товарища в гостиной, где его не знали, было для него совершенным пустяком. Ведь мундир его – это вроде пропуска, а положение офицера для поручений при дивизионном командире придавало ему еще большую самоуверенность. Тем более что теперь, когда он уже знал, где ему искать лейтенанта Феро, у него, в сущности, выбора не было: дело служебное.

Дом госпожи де Льонн выглядел весьма импозантно. Человек в ливрее распахнул дверь в гостиную с навощенным до блеска полом, выкрикнул имя д'Юбера и отступил, пропуская господина лейтенанта. Это был приемный день. Дамы были в громадных шляпах, обильно украшенных перьями; затянутые от подмышек до носков низко вырезанных атласных туфель в белые, плотно облегающие шелка, они напоминали сильфид – такой прохладой веяло от этих блестящих обнаженных спин, плеч, рук. Мужчины, беседовавшие с ними, были, напротив, грузно облачены в пестрые мундиры с воротничками до самых ушей и толстыми поясами вокруг талии. Лейтенант д'Юбер, нимало не смутясь, прошел через всю комнату и, низко склонившись перед сильфидоподобной фигуркой, откинувшейся на кушетке, извинился за свое вторжение, которое, разумеется, ничто не могло бы извинить, если бы не крайняя безотлагательность служебного приказа, который он должен передать своему товарищу Феро. Он надеется, что ему позволят вернуться более надлежащим образом, чтобы испросить прощение за то, что он осмелился прервать столь интересную беседу...

Обнаженная рука с грациозной небрежностью протянулась к его устам прежде, чем он успел договорить. Он почтительно поднес ее к губам, заметив про себя, что она несколько костлява.

Мадам де Льонн была блондинка, с нежнейшей кожей и с длинным лицом.

– Прекрасно! – промолвила она с воздушной улыбкой, обнажившей ряд крупных зубов. – Приходите сегодня вечером заслужить помилование...

– Почту своим долгом, мадам.

Между тем лейтенант Феро, во всем великолепии своего нового доломана и ослепительно начищенных сапог, сидел в креслах в двух шагах от кушетки. Одной рукой он упирался в бедро, другой покручивал кончик уса. В ответ на многозначительный взор д'Юбера он не спеша поднялся и медленно последовал за ним к оконной нише.

– Что вам угодно? – спросил он с поразительным равнодушием.

Лейтенант д'Юбер не мог себе представить, что лейтенант Феро в сердечной невинности и душевной простоте относится к своей дуэли без малейших угрызений совести и каких бы то ни было разумных опасений по поводу могущих возникнуть последствий. Хотя Феро и не совсем ясно помнил, из-за чего возникла эта ссора (это произошло в одном из заведений, где пиво и спиртные напитки подаются далеко за полночь), но у него не было ни малейшего сомнения в том, что именно он был оскорбленной стороной. Секундантами были его приятели, люди опытные. Все состоялось по всем правилам, установленным для такого рода происшествий. Ведь на дуэли, ясное дело, для того и дерутся, чтобы кто-нибудь из дерущихся был по меньшей мере ранен, если не убит наповал. Штатский оказался ранен, так что и тут все было в полном порядке. Лейтенант Феро был совершенно спокоен, но лейтенанту д'Юберу это показалось бахвальством, и поэтому он заговорил с раздражением:

– Генерал поручил мне передать вам приказ немедленно отправиться к себе на квартиру и оставаться там под строгим домашним арестом.

Теперь настала очередь лейтенанта Феро удивиться.

– Какого черта! Что это вы мне такое рассказываете? – пробормотал он растерянно и, не помня себя от изумления, машинально последовал за лейтенантом д'Юбером.

Двое офицеров, один высокий, с тонким лицом и усами цвета спелой ржи, другой низенький, коренастый, с горбатым носом и густой шапкой черных вьющихся волос, приблизились к хозяйке дома проститься. Мадам де Льонн улыбнулась этим двум воинственным юношам с совершенно одинаковой чуткостью и равной дозой интереса к каждому. Все остальные глаза в гостиной внимательно провожали удаляющихся офицеров. А когда они вышли, кое-кто из тех, кто уже слышал о дуэли, поделились своими сведениями с сильфидоподобными дамами, которые приняли это со слабыми возгласами гуманного сочувствия.

Между тем два гусара шествовали рядом: лейтенант Феро – углубившись в тщетные попытки проникнуть в суть вещей, которая в данный момент ускользала от его понимания, а лейтенант д'Юбер – досадуя на свою миссию, ибо инструкция генерала требовала от него, чтобы он лично удостоверился, что лейтенант Феро приказ выполнил и при этом без малейшего промедления.

"Командир, по-видимому, прекрасно знает это животное", – думал д'Юбер, поглядывая на своего спутника, чья круглая физиономия, круглые глаза и даже закругленные черные усики – все решительно, казалось, было пронизано отчаянным усилием постичь непостижимое. Он сказал вслух с некоторой укоризной:

– Генерал чертовски зол на вас.

Лейтенант Феро внезапно остановился на краю тротуара и воскликнул с таким чистосердечием в голосе, что нельзя было усомниться в его искренности:

– Да за что, черт побери! За что же?

Наивность этой бурной гасконской души проявилась и в том жесте, каким он, схватившись обеими руками за голову, сдавил ее, словно опасаясь, чтобы она не лопнула от напряжения.

– За дуэль, – коротко ответил лейтенант д'Юбер. Его невероятно раздражало это упорное шутовство.

– За дуэль? Как!

Лейтенант Феро впал из одной крайности удивления в другую. Он опустил руки и пошел, медленно передвигая ноги, пытаясь примирить эту непостижимую новость с собственными переживаниями. Это оказалось невозможным. Он разразился негодованием:

– А что же, я должен был позволить этому штафирке, этому капустнику марать своими сапожищами мундир седьмого гусарского?

Лейтенант д'Юбер не мог остаться совершенно безучастным к изъятию столь естественных чувств.

"Этот молодчик явно сумасшедший, – подумал он, – однако в том, что он говорит, есть какая-то доля смысла".

– Конечно, я не могу судить, насколько вы в данном случае правы... – начал он успокаивающим тоном. – Возможно, что генерал не совсем точно осведомлен. Но эта публика все уши прожужжала ему своими жалобами.

– А! Так, значит, генерал неточно осведомлен, – забормотал Феро, все больше и больше прибавляя шагу, по мере того как возрастал его гнев на эту несправедливость судьбы. – А! Он не совсем... И он сажает меня под строгий арест, и черт знает, что еще меня ждет впоследствии!

– Не взвинчивайте себя зря. Родственники этого вашего противника люди очень влиятельные, поэтому так все и обернулось. Генерал вынужден был немедленно принять меры в ответ на их жалобу. Я не думаю, что он собирается проявить по отношению к вам чрезмерную строгость, но самое лучшее, что бы вы могли сейчас сделать, – это не попадаться ему на глаза.

– Премного обязан генералу, – пробормотал, стиснув зубы, лейтенант Феро. – Может быть, вы скажете еще, что я и вам должен быть также благодарен за то, что изволили ловить меня в гостиной у дамы?

– Откровенно говоря, – перебил его лейтенант д'Юбер, рассмеявшись от души, – я полагаю, что да. Мне пришлось изрядно побегать, прежде чем я узнал, где вы находитесь. Нельзя сказать, чтобы это было надлежащее место при данных обстоятельствах. Если бы генерал застал вас и увидел, как вы строите глазки богине храма сего, воображаю, что бы это было! Он терпеть не может, когда ему жалуются на его офицеров, вам это известно. Ну, а уж тут ваше поведение показалось бы ему явной бравадой.

Оба офицера подошли к дверям дома лейтенанта Феро. Лейтенант Феро обернулся к своему провожатому.

– Лейтенант д'Юбер, – сказал он, – мне надо вам кое-что сказать, на улице это не совсем удобно. Не откажитесь войти.

Хорошенькая девушка открыла им дверь. Лейтенант Феро стремительно прошел мимо, а она подняла испуганные, недоумевающие глаза на лейтенанта д'Юбера, который только слегка пожал плечами, следуя за ним с явной неохотой.

Войдя в свою комнату, лейтенант Феро отстегнул португую, швырнул свой новый доломан на постель и, сложив руки крестом на груди, круто повернулся к вошедшему за ним гусару.

– Не воображаете ли вы, что я способен покорно подчиниться несправедливости? – вызывающе спросил он.

– Послушайте, будьте благоразумны! – попытался уговорить его лейтенант д'Юбер.

– Я благоразумен. Я совершенно благоразумен, – отвечал тот со зловещим спокойствием. – Я не имею возможности потребовать у генерала отчета в его поведении, но вы за свое мне ответите.

– Я не в состоянии слушать эту белиберду! – промолвил лейтенант д'Юбер с несколько презрительной гримасой.

– Ах, это, по-вашему белиберда? А мне кажется что я выражаюсь вполне ясно. Разве что вы перестали понимать французский язык!

– Что вы хотите сказать, черт побери?

– Я хочу, – внезапно завопил лейтенант Феро, – обрубить вам уши, проучить вас, чтобы вы в другой раз не лезли ко мне с вашими генеральскими приказами, когда я разговариваю с дамой!

Мертвая тишина наступила в комнате вслед за этой полоумной тирадой. Из открытого окна лейтенанту д'Юберу слышно было деловитое щебетанье птичек в саду. Сдерживая себя, он сказал:

– Ну что ж, если вам угодно говорить со мной таким тоном, я, разумеется, буду к вашим услугам в любую минуту, когда вы получите возможность заняться этим делом. Однако я не уверен в том, что вам удастся обрубить мне уши.

– Мне угодно заняться этим немедленно, сию же секунду! – в бешенстве вскричал лейтенант Феро. – Если вы воображаете, что вам удастся расточать чары вашей грации в салоне госпожи де Льонн в мое отсутствие, так вы изволите жестоко ошибаться.

– Нет, в самом деле вы невозможный человек! – отвечал лейтенант д'Юбер, начиная раздражаться. – Генерал дал мне распоряжение посадить вас под арест, а вовсе не крошить вас в котлету. До свидания! – И, повернувшись спиной к маленькому гасконцу, он направился к двери.

Однако, услышав за своей спиной весьма отчетливый звук извлекаемой из ножен сабли, лейтенант д'Юбер вынужден был остановиться.

"Черт возьми этого полоумного гасконца!" – подумал он, круто оборачиваясь и спокойно оглядывая лейтенанта Феро в его воинственной позе с обнаженной саблей.

– Сию же секунду, немедленно! – вне себя вопил Феро.

– Вы слышали мой ответ, – сказал лейтенант д'Юбер, прекрасно владея собой.

Сначала он был просто раздосадован и даже несколько заинтересован происходящим, но сейчас лицо его омрачилось. Он всерьез спрашивал себя, как же ему теперь удастся уйти. Немыслимо бежать от человека, который гонится за тобой с обнаженной саблей в руке. А драться с ним – об этом не могло быть и речи. Помолчав, он сказал именно то, что он думал:

– Оставьте это! Драться с вами я не буду: я не желаю ставить себя в дурацкое положение.

– А, так вы не желаете? – прошипел гасконец. – Вы предпочитаете остаться в подлецах? Вы слышите, что я вам говорю? Подлец! Подлец! Подлец! – орал он, приподнимаясь на носках, и лицо его с каждым возгласом все более и более наливалось кровью.

Лейтенант д'Юбер сначала сильно побледнел, услышав это неаппетитное слово, а потом вдруг вспыхнул до корней своих белокурых волос.

– Но вы не можете даже выйти отсюда, чтобы драться, – вы под арестом! Вы просто с ума спятили! – сказал он с гневным презрением.

– У нас есть сад. Там хватает места, чтобы уложить ваш длинный остов! – захлебываясь, крикнул Феро с такой яростью, что гнев его хладнокровного противника даже несколько остыл.

– Но это же сущая нелепость! – возразил д'Юбер, обрадовавшись тому, что он хотя бы на данную минуту нашел какой-то выход. – Мы ведь не можем сейчас достать никого из наших товарищей в качестве секундантов. Это бессмыслица.

– Секундантов? На черта нам секунданты! Не нужно никаких секундантов! Нечего вам беспокоиться о секундантах! Я пошлю сказать вашим друзьям, когда я с вами покончу, чтобы они вас где-нибудь там закопали. А если вам угодно свидетелей, я велю сказать этой старой деве, чтобы она высунулась в окошко. А! Пойдите! Тут у нас есть садовник. Он вполне сойдет. Глух, как пень, но глядеть может в оба. Пошли. Я вам покажу, штабной офицеришка, что носиться с генеральскими приказами – это не всегда детская шуточка, нет-с!

В пылу этого словоизвержения он отстегнул свои пустые ножны, швырнул их на кровать и, опустив саблю концом вниз, зашагал мимо остолбеневшего лейтенанта д'Юбера с криком:

– Следуйте за мной!

Едва он распахнул дверь, раздался слабый возглас, и хорошенькая девушка, которая подслушивала у замочной скважины, отскочила в сторону, закрыв глаза руками. Феро как будто и не заметил ее, но она бросилась за ним и схватила его за левую руку. Он стряхнул ее руку. Тогда девушка бросилась к лейтенанту д'Юберу и вцепилась ему в рукав.

– Гадкий человек! – всхлипнула она. – Так вот для чего вы его искали!

– Пустите меня! – умоляющим тоном произнес лейтенант д'Юбер, осторожно пытаясь высвободиться. – Ну словно попал в сумасшедший дом! – воскликнул он в отчаянии. – Пустите же меня, я не причиню ему никакого вреда!

Злобный хохот лейтенанта Феро раздался вслед за этим в качестве пояснения.

– Идите же! – рявкнул он, топнув ногой. И лейтенант д'Юбер последовал за ним. Ему не оставалось ничего другого. Однако, чтобы отдать должное его здравомыслию, необходимо отметить, что когда он проходил через переднюю, то мысль отворить входную дверь и выскочить на улицу мелькнула у этого храброго юноши, но он, разумеется, тотчас же отверг ее, ибо был уверен, что Феро без стыда и стеснения побежит за ним с саблей наголо. А представить себе гусарского офицера спасающимся от другого гусарского офицера, который гонится за ним с обнаженной саблей в руках, – вещь совершенно немислимая.

Итак, он последовал за ним в сад. А девушка бросилась за ними. С побелевшими губами, вытаращив обезумевшие от ужаса глаза, она не отставала от них, влекомая страхом и любопытством. Она уже решила про себя, что в последнюю минуту она бросится между ними и спасет от смерти лейтенанта Феро.

Глухой садовник, которого не могли потревожить приближающиеся шаги, мирно поливал цветы, пока лейтенант Феро не хлопнул его по спине. Внезапно увидев перед собой рассви-репевшего человека, потрясающего громадной саблей, старик затрясся всем телом и выронил лейку. Лейтенант Феро с яростью отшвырнул ее ногой и, схватив садовника за глотку, припер его к дереву. Не выпуская его из рук, он крикнул ему в самое ухо:

– Стой здесь и гляди, понял? Ты должен глядеть! Стой и не шевелись!

Лейтенант д'Юбер медленно вышел на дорожку, отстегивая свой доломан, и на лице его было написано чувство явного омерзения. Взявшись рукой за эфес сабли, он все еще коле-

бался, не зная, как поступить, как вдруг возглас: "Вы что думаете – гулять сюда пришли?" – и яростный выпад противника заставили его мгновенно принять оборонительную позицию.

Лязг сабель огласил уютный садик, который донныне не ведал иных воинственных звуков, кроме пощелкивания садовых ножниц. Из окна мезонина, выходящего в сад, высунулась по пояс фигура престарелой девы.

Она всплескивала руками, хваталась за свой белый чепец и причитала надтреснутым голосом. Садовник так и стоял, прилипнув к дереву, разинув беззубый рот в бессмысленном изумлении. А чуть-чуть подальше, на траве у дорожки, ломая руки и что-то бессвязно бормоча, металась хорошенькая девушка, топчась на одном месте, как если бы она попала в заколдованный круг. Она не бросилась между дерущимися – сабля лейтенанта Феро взлетела с такой свирепостью, что у нее не хватило духу. Лейтенанту д'Юберу, который все свои усилия сосредоточил на защите, требовались вся его ловкость, все его искусство фехтовальщика, чтобы отражать выпады противника. Он уже два раза вынужден был отступить. Он с раздражением чувствовал, что ему не удастся занять твердую позицию, так как подошвы его сапог скользили по круглому крупному гравию, которым была усыпана дорожка.

"Самая что ни на есть неподходящая почва для поединка", – думал он, не спуская внимательных, пристальных глаз, полуприкрытых длинными ресницами, со своего остервенелого противника. Эта нелепая история погубит его репутацию благоразумного, воспитанного, подающего надежды офицера. Во всяком случае, со всеми надеждами на ближайшее повышение надо проститься, так же как и с благорасположением генерала. Эти суетные заботы о мирском были, конечно, неуместны в столь высокаторжественный момент. Дуэль, рассматривать ли ее как обряд некоего культа чести, или отнести ее, исходя из ее моральной сущности, к одному из видов спорта, требует неослабной напряженности мысли, суровой стойкости духа. Однако беспокойство о своем будущем оказало в данном случае неплохое действие на лейтенанта д'Юбера – он начал злиться. Прошло примерно около минуты, с тех пор как они скрестили сабли, и лейтенанту д'Юберу снова пришлось отступить, чтобы не проткнуть своего иступленного противника, как жука для коллекции. Но лейтенант Феро истолковал это, разумеется, по-своему и с торжествующим ревом усилил атаку.

"Это взбесившееся животное вот-вот припрет меня к стене!" – подумал лейтенант д'Юбер. Он полагал, что он гораздо ближе к дому, чем это было на самом деле, а оглянуться он не решался. Ему казалось, что он удерживает своего противника на расстоянии не столько острием сабли, сколько своим пристальным взглядом. Лейтенант Феро приседал и подпрыгивал со свирепым проворством тигра. Глядя на это, оробел бы и самый храбрый человек. Но страшной этой ярости дикого зверя, подчиняющегося в своем безгрешном неведении естественному инстинкту, была та настойчивость в осуществлении зверского намерения, на которую способен только человек. Лейтенант д'Юбер, озабоченный своими мирскими делами, наконец уяснил это. Он с самого начала считал, что эта история – бессмыслица, что она может привести к дурным последствиям, но из каких бы дурацких побуждений ни затеял ее этот субъект, сейчас было совершенно ясно: он поставил себе целью убить своего противника, убить во что бы то ни стало. И он добивался этого с упорной настойчивостью, оставляющей далеко позади скромные возможности тигра.

Как это обычно бывает с истинно храбрыми людьми, сознание опасности, которая только теперь предстала перед ним во всей своей полноте, пробудило у лейтенанта д'Юбера интерес к этому делу. И стоило ему только по-настоящему заинтересоваться, как длина его руки и ясность рассудка заговорили в его пользу. Теперь отступить пришлось лейтенанту Феро, и он попятился, рыча, как бешеный зверь. Внезапно он сделал финту и вдруг стремительно бросился вперед.

"Ах, вот ты как! Вот как!" – мысленно воскликнул лейтенант д'Юбер.

Поединок длился уже около двух минут – срок, вполне достаточный для любого человека, чтобы войти в азарт независимо от характера ссоры. И вдруг все сразу кончилось. Лейтенант Феро, невзирая на позицию защиты противника, попытался сойтись с ним грудь с грудью и получил удар по согнутой руке. Он даже не почувствовал его, но это остановило его стремительный натиск, и, поскользнувшись на гравии, он тяжело грохнулся на спину во весь рост. От сотрясения его kloкочущий мозг погрузился в состояние, полной неподвижности. Как только он упал, хорошенькая девушка вскрикнула, но старая дева в окошке перестала причитать, а начала истово креститься.

Видя своего противника неподвижно лежащим на земле, с лицом, запрокинутым к небу, лейтенант д'Юбер решил, что он заколол его насмерть. У него сохранилось ощущение удара, которым, как ему казалось, он мог разрубить его пополам, и оно еще усиливалось воспоминанием о том ожесточении, с которым он нанес ему этот удар. Когда он убедился, что даже не перерубил противнику руку, чувство некоторого облегчения смешалось с легким разочарованием: "Дешево еще отделался, следовало бы проучить его покрепче!" По правде сказать, д'Юбер вовсе не желал смерти этому греховоднику. Однако уже и сейчас эта отвратительная история приняла довольно-таки скверный оборот.

Не теряя времени, лейтенант д'Юбер попытался, как мог, унять кровотечение. Но тут явилась неожиданной помехой хорошенькая девушка. С неистовыми воплями она набросилась на него сзади, и, вцепившись в волосы, оттаскивала его назад. Почему ей понадобилось мешать ему именно в этот момент, этого он не мог понять и не пытался. Все это было похоже на какой-то нелепый, мучительный кошмар. Дважды ему пришлось вставать и отталкивать ее, чтобы она его не опрокинула. Он делал это терпеливо, не произнося ни слова, и сейчас же снова опускался на колени и продолжал делать свое дело. Но на третий раз, когда ему наконец удалось наложить перевязку, он встал, крепко схватил девушку за руки, и прижал их к ее же груди. Чепчик ее сполз набок, лицо пылало, глаза испуганно горели. Он кротко смотрел на нее, в то время как она, захлебываясь, кричала, что он негодяй, предатель, убийца. Все это огорчало его значительно меньше, чем несомненная уверенность в том, что она ухитрилась здорово оцарапать ему лицо. Эта скандальная история сделает его еще и посмешищем. Он представил себе, как эта разукрашенная сплетня пойдет ходить по всему гарнизону, распространится в армии, по всему фронту, как чудовищно будут извращены все обстоятельства, побуждения, чувства, а его репутация человека с хорошим вкусом, способного взвешивать свои поступки, подвергнется сомнению, и все это наконец дойдет до ушей его почтенных родственников. Хорошо, конечно, этому молодчику Феро, не имеющему ни связей, ни родни, с которой приходится считаться, никаких достоинств, кроме храбрости. Ну, а это уж нечто само собой разумеющееся, это есть у каждого солдата французской кавалерии. Все еще продолжая крепко держать девушку за руки, лейтенант д'Юбер оглянулся через плечо. Лейтенант Феро открыл глаза. Он не шевелился. Словно еще не совсем проснувшись от глубокого сна, он без всякого выражения глядел в вечернее небо.

Лейтенант д'Юбер несколько раз громко окликнул старого садовника, но без всякого результата: тот так и продолжал стоять, разинув свой беззубый рот. Тут он вспомнил, что человек этот глух, как пень. Все это время девушка не переставала вырываться, при этом она не проявляла никакой девической застенчивости, а скорее напоминала хорошенькую немую фурию, которая старалась лягнуть его куда ни попадя.

Он продолжал держать ее, как в тисках, чувствуя, что если только он отпустит ее, она сейчас же вцепится ему в лицо. Все это было в высшей степени унижительно. Наконец она утихла, но не потому, что успокоилась, а, по-видимому, просто от изнеможения. Тогда он все-таки решил сделать попытку покончить с этим кошмаром и начал увещевать ее.

– Послушайте меня, – сказал он как только мог спокойнее, – если я вас отпущу, вы обещаете мне сбежать за доктором?

И с истинным огорчением он услышал ее вопль, что она ничего подобного не станет делать. Наоборот, всхлипывала она, она останется здесь, в саду, и будет зубами и когтями защищать несчастного поверженного. Это было что-то возмутительное.

– Милочка моя, – воскликнул д'Юбер в отчаянии, – неужели вы думаете, что я способен убить раненого противника? Ведь это... Да успокойтесь же! Вот бешеный, дикий котенок!

Они опять начали бороться. Хриплый, сонный голос позади него спросил:

– Чего вы пристаёте к девчонке?

Лейтенант Феро чуть-чуть приподнялся на своей здоровой руке. Он смотрел осоловелым взором на другую свою руку, на пятна крови на мундире, на маленькую красную лужицу на земле, на саблю, валяющуюся на дорожке в нескольких шагах от него, затем опять тихонько улегся, чтобы поразмыслить над всем этим, если только мучительная головная боль не заставит его отказаться от этой непосильной задачи.

Лейтенант д'Юбер выпустил девушку, которая тотчас же бросилась к другому лейтенанту.

Вечерние сумерки спускались над мирным садиком, окутывая эту трогательную пару; тихий шепот соболезнования и участия раздавался в тишине вперемешку с другими неясными звуками, напоминавшими бессвязную брань. Лейтенант д'Юбер удалился.

Он вышел из затихшего дома, радуясь тому, что темнота скрывает его окровавленные руки и расцарапанное лицо. Однако эту историю не скроешь. Лейтенант д'Юбер больше всего на свете боялся запятнать свою репутацию и поставить себя в смешное положение, поэтому он испытывал сейчас чувство омерзения от того, что ему приходится прятаться от людей, как убийце, и сворачивать в темные переулки. Звуки флейты, долетавшие из открытого окошка освещенного мезонина, прервали его мрачные размышления. Музыкант старался достичь виртуозности, и иногда из-за его фиоритур слышно было мерное отбиванье такта ногой.

Лейтенант д'Юбер окликнул по имени полкового хирурга, с которым был хорошо знаком. Звуки флейты прекратились, музыкант появился у окна с инструментом в руке и выглянул на улицу.

– Кто это? Это вы, д'Юбер? Что это вас сюда занесло?

Он не любил, чтобы ему мешали в те часы, когда он играл на флейте. Это был человек, поседевший на неблагодарной службе, которая заключалась в том, что он перевязывал раненых на полях сражений, тогда как другие пожинали чины и славу.

– Мне надо, чтоб вы сейчас же пошли к Феро. Вы знаете лейтенанта Феро? Он живет тут, через два квартала. Это в двух шагах от вас.

– А что с ним такое?

– Ранен.

– Вы в этом уверены?

– Уверен! – воскликнул д'Юбер. – Я только что оттуда.

– Вот как? Забавно! – сказал пожилой хирург. "Забавно" было его излюбленное слово; но выражение его лица, когда он произносил его, нимало не соответствовало сказанному. Это был равнодушный человек. – Войдите, – сказал он, – я сейчас соберусь.

– Благодарю вас, я войду. Я хочу вымыть руки. Когда лейтенант д'Юбер вошел в комнату, хирург разобрал свою флейту и методично укладывал ее по частям в футляр. Он повернул к нему голову:

– Вода там, в углу. Да, руки ваши нуждаются в мытье.

– Я кое-как унял кровь, – сказал лейтенант д'Юбер, – но вы все-таки поторопитесь. Прошло уже, знаете, минут десять.

Хирург продолжал собираться все так же не спеша. – А что там такое случилось? Повязка, что ли, соскочила? Вот забавно! Я целый день работал в госпитале. А кто же это говорил нынче утром, что он отделался без единой царапины?

– Не от той дуэли, наверно, – мрачно пробормотал лейтенант д'Юбер, вытирая руки грубым полотенцем.

– Не от той... Как! Еще дуэль? Да меня бы сам черт не заставил лезть в драку второй раз в один и тот же день! – Хирург пристально посмотрел на лейтенанта д'Юбера. – Где это вы так лицо исцарапали? Да как симметрично – с обеих сторон! Вот забавно!

– Чрезвычайно! – рявкнул лейтенант д'Юбер. – И его разрубленная рука тоже покажется вам очень забавной. Надеюсь, вас обоих это позабавит на некоторое время.

Доктор был несколько заинтригован и даже чуточку потрясен этой грубой язвительностью лейтенанта д'Юбера. Они вместе вышли на улицу, и тут поведение лейтенанта еще больше заинтриговало его.

– Разве вы не идете со мной? – спросил он.

– Нет, – сказал лейтенант д'Юбер. – Вы отлично и сами найдете этот дом. Входная дверь, наверно, и сейчас открыта.

– Ну хорошо. А где там его комната?

– В первом этаже. Но я вам советую пройти сначала прямо в сад.

Этот весьма удивительный совет заставил доктора без долгих разговоров двинуться в путь.

Лейтенант д'Юбер вернулся к себе на квартиру в страшном негодовании и смятении. Зубоскальство товарищей страшило его не меньше, чем гнев начальства. Поистине в этом происшествии было что-то безобразно нелепое, недопустимое, не говоря уже о том, что были нарушены все правила дуэли, что само по себе давало повод рассматривать это как преступление. Как человек, не отличающийся богатым воображением, что помогало ему разумно рассуждать, лейтенант д'Юбер был сильно озабочен тем затруднительным положением, в какое поставила его эта история. Он, разумеется, был очень рад, что не убил лейтенанта Феро в этом поединке, где не был соблюден регламент, где не было даже настоящих свидетелей, достаточно правомочных для подобного рода дел. Чрезвычайно рад. И в то же самое время он чувствовал, что с величайшим удовольствием свернул бы голову этому Феро безо всяких церемоний.

Д'Юбер все еще находился во власти этих противоречивых переживаний, когда любитель флейты, хирург, пришел навестить его. Прошло уже дня три со дня дуэли. Лейтенант д'Юбер уже больше не состоял офицером для поручений при дивизионном генерале. Его отослали обратно в полк. И его возвращение в солдатскую семью ознаменовалось тем, что его подвергли строжайшему заключению, и не в его собственной квартире в городе, а в казармах. В связи с серьезностью правонарушения ему было запрещено видаться с кем бы то ни было. Он не знал ни того, что после этого произошло, ни того, что об этом говорили и думали. Появление хирурга было в высшей степени неожиданным для бедного пленника. Любитель флейты прежде всего сообщил, что он допущен сюда по особому соизволению полковника.

– Я его убедил, что надо же быть справедливым и дать вам возможность узнать, что случилось с вашим противником, – заявил он. – Вы, конечно, порадуетесь, узнав, что он поправляется.

На лице лейтенанта д'Юбера не выразилось никаких признаков радости. Он продолжал шагать взад и вперед по пыльному, пустому барраку.

– Вон там стул, садитесь, доктор, – пробормотал он. Доктор сел.

– Об этой истории ходят разные слухи и в городе и у нас в армии. И мнения на этот счет сильно расходятся. Просто-таки забавно!

– Еще бы! – пробормотал лейтенант д'Юбер, упорно шагая от стены к стене. А про себя подумал: "Как это может быть, чтобы тут существовало два мнения?"

Доктор продолжал:

– Конечно, поскольку истинные обстоятельства дела неизвестны...

– Я думал, – перебил его д'Юбер, – что этот молодчик посвятил вас в истинные обстоятельства этого дела.

– Он что-то говорил, – сказал доктор, – в тот раз, когда я только что его увидел. Да, кстати, я действительно нашел его в саду. Он здорово стукнулся затылком и был до некоторой степени в беспамятстве, ну попросту сказать, заговаривался. А потом, когда он пришел в себя, из него уже трудно было что-нибудь вытянуть.

– Вот уж никак не ожидал, что он способен устыдиться! – пробормотал д'Юбер и опять заходил взад и вперед.

– Устыдиться? – подхватил доктор. – Вот забавно! Нет, я бы этого не сказал. Он вовсе и не думает стыдиться. Конечно, вы можете смотреть на это дело иначе...

– Что вы такое плетете? На какое дело? – воскликнул д'Юбер, искоса поглядывая на грузную седовласую фигуру, восседавшую на табурете.

– Что бы это ни было, – сказал доктор несколько раздраженно, – я вовсе не собираюсь высказывать вам всего, что я думаю по поводу вашего поведения.

– Да, уж лучше остерегитесь, черт возьми! – вырвалось у д'Юбера.

– Потихе! Потихе! Ну что за манера – чуть что, сейчас же хвататься за саблю! Ведь это, знаете, добром не кончится. И запомните вы раз навсегда, что если мне когда-нибудь придется крошить кого-нибудь из вас, сорванцов, то только при помощи моих инструментов, а не чего-либо иного. Но я вам советую по-хорошему: если вы будете так продолжать, то вконец испортите себе репутацию.

– Как "продолжать"? – воскликнул лейтенант д'Юбер и остановился как вкопанный. – Я... я испорчу себе репутацию? Да что вы такое выдумываете?

– Я уж вам сказал, что я вовсе не собираюсь судить, кто здесь прав, кто виноват. Это не мое дело. Тем не менее...

– Да что же такое, черт возьми, он рассказал вам? – перебил лейтенант д'Юбер, холодея от ужаса.

– Я уже вам говорил, что сначала, когда я подобрал его в саду, он немножко заговаривался. Потом он больше отмалчивался. Но, насколько я понял, он не мог поступить иначе.

– Он не мог? – вскричал лейтенант д'Юбер неистовым голосом и тут же, угрожающе понизив тон, произнес: – А я как же? Я мог?

Доктор поднялся с табурета. Мысли его уже устремились к флейте, к его неизменной спутнице с нежным, утешительным голосом. Рассказывали, что даже в дни сражений, где-нибудь на санитарном пункте, после двадцатичетырехчасовой напряженной работы, он будил ее сладостными звуками зловещую тишину поля битвы, где павшие в бою обрели вечный покой. И вот этот утешительный час его повседневной жизни приближался. А в мирное время он так дорожил этим часом, что цеплялся за каждую минуту, как скряга за свое добро.

– Ну да, разумеется, – сказал он рассеянно. – Вы, конечно, думаете так. Забавно! Однако я, будучи совершенно не заинтересован и расположен к вам обоим, выужден был обещать исполнить его поручение. Ну просто, я вам скажу, я не мог отказать больному. Он поручил передать вам, что ни в коем случае не считает это дело оконченным. Как только ему разрешат встать с постели, он немедленно пошлет к вам секундантов – разумеется, если мы до тех пор не выступим в поход.

– Ах, вот что! Значит, он намерен... Ну да, разумеется... – захлебываясь от негодования, проговорил лейтенант д'Юбер.

Причина этого негодования была скрыта от посетителя, но бурное его проявление окончательно подтвердило уверенность доктора в том, что между этими двумя молодыми людьми произошло нечто чрезвычайно серьезное, настолько серьезное, что они не решаются никого посвятить в это дело. По-видимому, это посеяло между ними такую непримиримую вражду, что их ничто не может остановить: они готовы запятнать себя, испортить себе будущее, погу-

бить свою карьеру чуть ли не в самом начале. Доктор опасался, что предстоящее расследование не приведет ни к каким результатам и не удовлетворит всеобщего любопытства. Они никому не откроют этой тайны, ибо то, что произошло между ними, носит, по-видимому, настолько оскорбительный характер, что они готовы подвергнуться обвинению в убийстве, лишь бы не предавать этого огласке. Но что же это такое может быть?

Доктор не отличался большим любопытством, но эта загадка не давала ему покоя. Дважды в течение этого вечера он отнимал флейту от губ и задумывался на целую минуту прямо посреди мелодии, стараясь найти какой-нибудь правдоподобный ответ.

Глава II

Он преуспел в этом не больше, чем все остальные в гарнизоне и даже во всем городе. Два молодых офицера, до сих пор не выделявшиеся ничем особенным, стали объектом всеобщего любопытства в связи со своей загадочной ссорой.

Салон мадам де Льонн превратился в центр всевозможных догадок. Хозяйку без конца осаждали расспросами, ибо всем было известно, что она последняя разговаривала с этими несчастными, безрассудными молодыми людьми, перед тем как они вместе вышли из ее гостиной, чтобы сойтись на этом варварском поединке в сумерках в саду частного дома. Она отнекивалась. Она уверяла, что не заметила ничего особенного в их поведении. Лейтенант Феро был явно недоволен, что его увели. Но это было вполне естественно: всякому мужчине неприятно, когда его отрывают от беседы с дамой, славящейся своей изысканностью и чуткостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.